

Е.Ю. Муратова (Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Будучи составной частью современного языкознания, исследование поэтического языка в своем развитии не может не отражать новые идеи и подходы, которыми постоянно обогащается лингвистическая наука. Одним из новых взглядов на мир, на события и процессы в нем является синергетическая теория.

Синергетика открывает возможность нового видения мира, поскольку изучает любые материальные и идеальные системы, в которых значительную роль играют случайности и состояния неустойчивости. Еще в XIX веке Ф. Энгельс справедливо отмечал: «...где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам» [1, с. 306].

Синергетические идеи опираются на один из основных законов диалектики – перехода количества в качество. Подавляющее большинство систем (физические, химические, биологические и др.) являются открытыми, они постоянно взаимодействуют с окружающей средой, обмениваясь с ней энергией, веществом или информацией. При этом некоторые воздействия внешней среды могут стать настолько сильными, что система их не способна выдержать. В таком случае она либо разрушается, либо скачкообразно меняет свою структуру. Новое развитие системы – это возникновение и нового системного порядка.

Синергетические идеи вполне применимы к исследованию глубинных закономерностей развития и функционирования языка, поскольку любой человеческий язык не является раз и навсегда заданной системно-синхронной моделью. В частности, взаимопроникновение языков, возникающее на почве многоязычия, является одним из факторов, нарушающих равновесие языковых систем. С ростом энтропии происходит исчезновение одних языков и значительное изменение других. Особенно высокий темп структурной перестройки наблюдался в индоевропейских языках по сравнению с устойчивостью и слабым динамизмом тюркских, семитских, китайского языков, на что в свое время обратил внимание Н.С. Трубецкой [2, с. 76 – 77]. Многочисленные примеры синергетического изменения языков приводит в своей книге Р.Г. Пиотровский [3, с. 38 – 41]. Он предполагает, что первоначальный индоевропейский континуум подвергся некогда сильному внешнему воздействию, в результате некоторые наречия исчезли, другие пошли по пути быстрой перестройки, обретая при этом новую равновесность. Именно этим можно объяснить причудливое сочетание в индоевропейских языках синтетизма и аналитизма, многообразие парадигм склонения и спряжения, вариативность основ. Особенно высокий темп структурной перестройки испытали французский и английский языки, выросшие на почве кельто-романо-германской интерференции, а также албанский, болгарский и румынский. Перестройка системы каждого из этих языков проявилась в коренном изменении морфологической организации слова, т. е. в стирании окончаний и активизации аналитической морфологии.

При исследовании языка поэзии синергетический подход возможен в первую очередь потому, что поэтический язык представляет собой нелинейную открытую динамическую систему и как таковой подчиняется общим универсальным синергетическим законам.

Необходимость исследования поэтических текстов с синергетической точки зрения определяется многими факторами. Современный мир XX–XXI века – это мир огромного потока информации. Предельная насыщенность информацией, высокая скорость ее получения и осмысления, активное распространение интернет-общения со своими коммуникативными законами, экстерниоризованность времени – все это характерные черты жизни современного человека. Они влияют и на эволюцию языка, который стремится к передаче все большего и большего количества информации в единицу времени.

Поэзия, как и жизнь, стала другой. Современную поэзию отличает филологизм текстов, т. е. сам язык становится и средством высказывания, и объектом внимания поэтов, что проявляется в языковой игре со словом, его формой, грамматическими категориями, логикой формирования значения. Для поэзии XX века характерна новая, более сложная организация пространства и времени, она стала уподобляться внутренней речи, в которой слово представляет собой концентрированный сгусток смысла. Современная поэзия ориентирована на активные языковые поиски и языковые преобразования, для нее характерно внимание к языку, к пределам его возможностей. «В современной поэзии наблюдается отчетливая тенденция к выведению слова, формы, морфемы из стандартной сочетаемости, идет активный процесс освобождения языковых единиц от любой синтагматической зависимости – параллельно с постоянной фразеологизацией языковых единиц и превращением словесных блоков в слова. Нарушения нормы в ряде текстов показывают альтернативный путь развития фонетики, семантики, грамматики» [4, с. 398].

В определенных поэтических текстах процесс формирования языкового значения получает экзистенциальный смысл, контекст расширяет и часто изменяет границы лексических и грамматических значений слова. Частотность этого явления в современной поэзии позволила Л.М. Гаспарову [5, с. 191] утверждать, что появился новый троп – антиэмфаза – расширение и размывание значения слов. Таким образом, в оп-

ределенных современных поэтических текстах процесс формирования языкового значения получает экзистенциальный смысл, контекст расширяет и часто изменяет границы лексических и грамматических значений слова. В таких контекстах проявляются трансцендентные содержания, знаковая репрезентация которых ограничена возможностями языковой системы. Усложняющийся язык поэзии требует соответствующих методов ее исследования.

Возникновение глубинных смыслов художественного произведения представляет собой синергетический процесс самоорганизации смыслов. Бессознательные содержания З. Фрейд определял как *Оно* (Id), К. Юнг – как *архетипы коллективного бессознательного*, Л. Витгенштейн называл *Высшее* (Hoheres), *Невысказываемое* (Unaussprechliches) или *Мистическое* (das Mystische), в русской науке область бессознательного называли *Несказанным*. Но знаковая репрезентация трансцендентных смыслов ограничена возможностями языковой системы: языковые средства, с помощью которых человек пытается передать мысль, неизбежно носят условный характер. Как писал В. Гумбольдт, «для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным...» [6, с. 378]. Синергетический подход позволяет по-новому посмотреть на механизмы появления глубинных смыслов в поэтическом тексте.

Кроме того, в лингвопоэтике всегда стояла важная и сложная проблема объективизации интуитивных представлений исследователей о ряде параметров текста, в частности, определение «сложности, легкости, трудности» текста для восприятия и интерпретации. Синергетический анализ позволяет решить эту проблему.

Один из основоположников синергетической теории Г. Хакен подчеркивал, что поведение сложных нелинейных систем зависит от *окружающих условий*.

Для поэтического текста «окружающими условиями» являются следующие:

1. Творящее сознание, поскольку от таланта и лингвистической интуиции поэта зависит языковая организация текста, в результате которой происходит (или не происходит) самоорганизация глубинных смыслов стихотворения.

2. Воспринимающее сознание, которое совершает «раскодирование» поэтического текста. Адекватность восприятия читателем порождаемого автором текста зависит от объема общей памяти, знаний, представлений и др. Текст автора и текст читателя полностью не совпадают. Г. Фреге писал: «Если бы представления разных людей не были в достаточной степени сходны, словесное искусство, видимо, не могло бы существовать. Однако точно установить, насколько представления читателей отвечают замыслам автора, невозможно» [7, с. 189]. «Как установили отечественные психологи и подтвердили современные лингвисты... нет ни единого объективного содержания, ни раз навсегда данного смысла, ни вечной идеи художественного произведения... Что же есть в тексте? Есть лишь организованные таинственным образом языковые средства и приемы, которые служат сигналом для зарождения содержания в сознании читателя» [8, с. 8].

3. Ценностно-культурные ориентиры нации; исторические, социальные, природные факторы; типы поведения, характерные для носителей конкретного лингвокультурного социума.

4. Интертекстуальные связи поэтического текста.

5. «Большое время» (термин М. Бахтина), влияние которого проявляется в условиях коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем: каждое произведение искусства ведет диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании.

В теории синергетичности центральным понятием являются **параметры порядка** (order parameters), или **контрольные параметры** (control parameters). В любой системе их немного, но именно они подчиняют поведение остальных элементов системы. Например, в животном мире это четыре основных инстинкта: пищевое поведение, репродуктивное поведение, страх, агрессия. Параметрами порядка в языковой системе (и в системе поэтического языка в частности) являются следующие: нормативность грамматических категорий, системные (словарные) значения лексем, стандартность словообразовательных моделей, синтагматических связей и др. Если параметры порядка стабильны, находятся в состоянии с «очень немногочисленными степенями свободы», то и система находится в стабильном состоянии. Если параметры порядка перестают управлять системой, то возможны два следствия: 1) система качественно не изменяется, адаптируется к изменениям; 2) она переходит в состояние с «многочисленными степенями свободы», т. е. происходит качественное изменение системы. В языке изменение параметров порядка – это изменение стандартных, нормативных языковых форм; стандартность «превращается» в нестандартность, узуральность – в неузуральность, нормативность – в ненормативность. Особенно активно такие изменения проявляются в поэзии.

В поэтической системе изменение параметров порядка превращает их в маркеры синергетичности. Они выведены нами эмпирически, на основе анализа многих тысяч поэтических текстов. Мы считаем, что грамматическими и текстовыми маркерами синергетичности поэтического текста являются следующие: 1) нестандартные синтагматические связи лексем; 2) специфическое проявление и оформление грам-

матических категорий; 3) влияние означающего (фонетический облик слова) на означаемое (лексическое значение); 4) интертекстуальность; 5) дискурсивность; 6) лексикализация.

Мы допускаем, что данный список может быть продолжен или оспорен другими исследователями, что объективно предполагает любая научная работа. Кроме того, на синергетичность поэтического текста (хотя в значительно меньшей степени) влияет окказиональное словообразование, синтаксические факторы (например, повтор, сравнение, параллелизм и др.) и даже пунктуация (например, значимое отсутствие знаков препинания), но анализ их влияния требует отдельного изучения и, возможно, он станет предметом будущих исследований. В тех поэтических текстах, где такой тип маркированности играл заметную смыслообразующую роль, мы его учитывали и анализировали.

Итак, **синергетический текст** – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов. Синергетичность / несинергетичность текста определяется количеством и качеством грамматических и текстовых маркеров в контексте.

Для определения синергетичности текста нами вводится **коэффициент синергетичности КС**, который определяется формулой: $КС = A/N$, где **A** – количество маркеров, **N** – количество строк. Чем больше соотношение A/N , тем синергетичнее текст.

Исследовав несколько тысяч поэтических контекстов, мы пришли к выводу, что критической точкой, за которой текст не представляет синергетической ценности, является $КС = 0,25$ (т. е. один маркер на 4 строки: $1/4 = 0,25$). Таким образом, **синергетический текст** – это текст с коэффициентом синергетичности не менее 0,25. Чем выше данный коэффициент, тем синергетичнее текст. **Синергетический смысл текста** – это глубинный, трансцендентный смысл, не вытекающий из словарных значений лексем.

Приведем пример синергетического текста:

Он отец мне по возрасту, / по призванию брат, / невеселые волосы. / Пиджачок мешковат. / Вижу руки подробные, / Все по ним узнаю, / и глаза исподлобные / смотрят в душу мою (Е. Евтушенко).

В данных строках 4 маркера синергетичности: три нестандартных сочетания существительных с прилагательными и окказиональное прилагательное *исподлобные*; $КС = 0,5$.

Пример несинергетического текста:

На неизвестном полустанке, / От побережья невадали, / К нам в поезд финские цыганки / Июньским вечером зашли. / Хоть волосы их были русы, / Цыганок выдавала речь / Да в три ряда цветные бусы / И шали, спущенные с плеч. / Блестя цепочками, серьгами / И споря пестротой рубах, / За ними следом или цыгане / С кривыми трубками в зубах (С. Маршак).

В данном контексте на 12 строк фиксируется лишь один маркер синергетичности – нестандартная синтагматическая связь, *споря пестротой рубах*, таким образом, коэффициент синергетичности данного текста – 0,08.

Безусловно, данная формула (как любая формула в отношении поэзии) не может полностью отразить трансцендентные содержания, поскольку в синергетическом тексте закодирована область бессознательного автора и читателя, почти не поддающаяся объективной вербализации. Кроме того, для объективности анализа имеет важное значение не только количество маркеров, но и их «качество», а именно: повторяется один тип маркеров (например, несколько нестандартных синтагматических связей) или это разные типы. При этом и один тип маркеров может иметь разную степень влияния на синергетичность текста, например, интертекстуальные взаимодействия поэтических текстов выражаются по-разному: от имплицитных, глубоко скрытых в подтексте, до явных прямых цитат. Но предлагаемое определение синергетичности текста, на наш взгляд, позволяет в значительной степени преодолеть субъективность его восприятия, научно (хотя и достаточно условно) разделить синергетические и несинергетические тексты.

Синергетические тексты требуют синергетического анализа, поскольку, по нашему убеждению, именно он дает наиболее объективную возможность вербализовать трансцендентные содержания поэтического текста.

Новая лингвистическая концепция предполагает соответствующий терминологический аппарат, необходимый для обозначения тех свойств и признаков, которые выявляются в процессе порождения глубинных смыслов слова в поэтическом тексте. Важным достоинством синергетического подхода является то, что он позволяет определенным образом унифицировать научный язык в области поэтики. Как известно, одной из серьезных проблем современной науки становится терминологическое многообразие и многоплановость; научный язык превращается в «метаязык», известный лишь узкому кругу посвященных в определенной (и тоже достаточно узкой) области научных исследований. Терминологическое многообразие и многоплановость становятся одной из серьезнейших проблем современной науки. Например, при описании только фонетического уровня поэтического текста применяется бесчисленное множество терминов: *анафора, аллитерация, эпанастрофа, зевгма, эпифора, паронимическая аттракция* и т. д.; или в ономастике: *антропонимы, гидронимы, лимнонимы, зоонимы, урбанонимы, ойконимы, хрононимы* и т. д. При синергетическом подходе используются всего 4 основных термина, при помощи которых можно

описать как любую нелинейную открытую систему вообще, так и любой языковой уровень поэтического текста, и сам текст в целом.

К числу основных понятий синергетики относятся следующие: фракталь, диссипативная структура (диссипативный процесс), бифуркация, аттрактор.

1. Фракталь

Основой детерминации беспорядочности и разброса смыслов в языке являются фракталы, базирующиеся на более или менее общей смысловой однозначности восприятия людьми окружающего мира. **Фракталы** – объекты, которые обладают свойствами самоподобия или масштабной инвариантности: наблюдается постоянное изменение объектов, но обязательно в рамках определенной целостности данного феномена (в природе это, например, облака). В языке выявляются семантические фракталы – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта. Основная функция фракталей в языке – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности. Например, в строках А. Вознесенского *Нам, как аппендицит, поудалили стыд* словарные значения лексем *аппендицит, удалить, стыд* не создают фракталь «медицина, больница»; инвариантом здесь является *стыд, совесть, нравственность*, которым детерминируется смысл высказывания.

«Некоторая мыслимая целостность» – понятие для языка относительное. Как правило, люди мыслят стандартными целостностями, и именно искусство, в частности, поэзия, расширяет стандартные фракталы, меняет их конфигурацию, создает возможность перехода мыслительных образований человека из одной фракталы в другую. Так, в выражении *Очередь – это в цепь вытянутое стадо* (И. Кабыш), бытовая фракталь «очередь – дефицит, нищета, раздражение, крики и др.» и одновременно «покорность, терпение» в этих стихотворных строках расширяется до нравственной отрицательной оценки общества, порождающего очереди; каждый член очереди – член данного общества, если же его члены живут и ощущают себя только как жертвы и как члены очереди за жизнью, то они – часть бессловесного стада. Фракталь расширилась и видоизменилась: «очередь – нравственность, общество, жизнь».

Изменение фракталы в пределах одного высказывания порождает углубление или полное изменение его смысла; оно может рождать новый подтекст, возбуждать языковую игру, придавать высказыванию иронический смысл и т. д.

Фонетическая фракталь – это фоносемантические границы языковых единиц, имеющих свойства инвариантности: наблюдается изменение их значения под влиянием звучания, но обязательно в рамках определенной фоносемантической целостности данного языкового комплекса. Если основная функция семантической фракталы – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности, то основная функция **фонетической фракталы** – обозначить условные границы влияния означающего языкового знака на его означаемое, поскольку это влияние объективно не может быть безграничным.

Например: *Строительница струн – приструню / И эту. Обожди / Расстраиваться* (М. Цветаева). Все четыре лексемы объединяются одной фонетической фракталью – звуковым комплексом *стр*, в результате чего происходит взаимопроникновение разных сем значений друг в друга и выявляются новые, неэксплицированные смыслы: *струну* можно *приструнить*, т. е. силой воли остановить зарождающееся чувство, появляется возможность *строить струны*, т. е. самой решать, что и как делать в жизни *строительнице струн*, которая понимает, что за все придется платить, придется *расстраиваться*, но надежда есть всегда, поэтому – *обожди расстраиваться*.

2. Диссипативная структура

Свое понимание феномена самоорганизации И. Пригожин связывает с понятием диссипативной структуры – структуры, спонтанно возникающей в открытых неравновесных системах. В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» [9] процесс возникновения диссипативных структур объясняется следующим образом. Пока система находится в состоянии равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга, как бы в состоянии гипнотического сна. Но если эта система под воздействием окружающей среды переходит в неравновесное «возбужденное» состояние, ситуация меняется. Элементы такой системы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное взаимодействие, результатом которого и является диссипативная структура. Именно «совместное действие» или когерентное поведение элементов диссипативных структур и является тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации. В поэтическом языке возникновение диссипативных структур, т. е. *когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл*, наблюдается регулярно. В первую очередь это проявляется на уровне синтагматических связей лексем. Например, смыслы сочетания *кровотечение звука* (Б. Ахмадулина) – «тоска, печаль, прерывание звука, рождение слова в творческих муках» – не возникают из словарных значений лексем *кровотечение* и *звук*. Пока система находится в состоянии равновесия, пока лексемы «ведут себя независимо» друг от друга, никакие новые смыслы не возникают. Звук очеловечен в сознании автора, в результате поэт создает такое словосочетание, в котором лексемы «просыпаются от сна» и

начинают действовать согласованно. Аттрактор может быть направлен во фракталь «тоска, печаль, прерывание звука»: если звук кровотоцит, то однозначно предполагается не-радость такого звучания. Течение реки радуется, любое кровотоечение – нет. Нормальный человек на сознательном либо подсознательном уровне хочет кровотоечение остановить, следовательно, возникает еще один смысл: желание *звук прервать*. Другое направление аттрактора может быть во фракталь «муки творчества»: рождение слова; кровотоечение ассоциативно связывается с муками рождения человека, но при этом и с великой радостью его рождения. В данном случае сочетание *кровотоечение звука* представляет собой диссипативную структуру, поскольку в результате когерентного взаимодействия составляющих его лексем (т. е. в результате диссипативного процесса) рождается, «самоорганизуется» новый смысл. «Голчком» возникновения диссипации, «внешним воздействием на систему» стало языковое творчество автора, базирующееся на его собственном бессознательном и на индивидуальной языковой картине мира, в связи с чем он именно так, а не иначе «строит» свое поэтическое произведение или его отдельные элементы.

3. Бифуркация – «ветвление путей эволюции системы» (А. Михневич), т. е. возможности системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц. Бифуркации появляются в особых точках, где «траектория, по которой движется система, разделяется на «ветви». Все ветви равно возможны, но только одна из них будет осуществлена» (И. Пригожин). Как справедливо заметил Мераб Мамардашвили, «поэзия содержит нечто не до конца знаемое и самим автором. Отсюда и появляется феномен многих вариантов одного и того же» [10, с. 59]. При этом мы согласны с мнением Хоанг Фэ, который утверждает: «Имплицитное содержание высказывания, как и содержание мысли, практически не имеет пределов и ничем не ограничено. В поисках имплицитного содержания высказывания каждый слушающий может проводить внутренний диалог каким-то своим, отличным от других способом, но всегда с учетом эксплицитного содержания, контекста и коммуникативной ситуации» [11, с. 399 – 400].

Проиллюстрируем «ветвление» смыслов в точке бифуркации следующей строкой из лирики Е. Евтушенко: «Не разлюбил я ни одной любимой...». Смысл этого предложения складывается из словарных значений основных лексем *не разлюбить, любимые*. На основе словарно-лексической структуры этого предложения могут возникнуть следующие смыслы: 1) было много любимых, искренне и по-своему любил каждую; 2) до сих пор люблю всех, кого любил когда-то; 3) в сегодняшней возлюбленной воплотилась вся любовь к предыдущим женщинам; 4) любил всегда одну женщину, она была для него всеми возможными возлюбленными, поэтому некого было «разлюбливать». Возможен еще один, достаточно противоречивый смысл: 5) не разлюбил никого, потому что никого не любил. Противоречивость возникает из-за словарного значения слова *любимая* – *та, которую любят*, но гипотетически возможна «любимая-мечта», воображаемая любимая, поэтому и смысл «никого не любил» также возможен. В данном случае бифуркация представляет собой «смысловое ветвление» анализируемой фразы, набор возможных смыслов. В этом проявляется глубинный характер трансцендентных содержаний, которые не могут быть представлены в языке явно, а скрыты за его непосредственной данностью. При таком восприятии на подсознательном уровне работает принцип холистичности –приятие возникающего образа или мысли как целого, вбирающего в себя все логические противопоставления. В этом проявляется и логика человеческого мышления – стремление к осмыслению содержательных инвариантов по отношению к непосредственно данным содержаниям. В таком разбросе возможных смыслов проявляется хаос системы, но он детерминирован системными значениями лексем, составляющих фразу, контекстом речи, коммуникативной ситуацией, культурой коммуникантов и др.

Части системы, где возможны и постоянно себя проявляют бифуркации, являются критическими точками или районами бифуркации. В системе поэтического языка рождение нового смысла языковой единицы (зона бифуркации) наиболее последовательно проявляется на фонетическом уровне (влияние звучания на значение), лексическом (роль тропеических средств языка при формировании нового смысла), синтаксическом уровне (нестандартная сочетаемость лексем). «Организация» нового смысла проявляется также и в грамматике (оказиональное словообразование, художественная смыслообразующая роль некоторых морфологических категорий).

4. Аттрактор – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания. Аттрактор выявляется в «переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания» [12, с. 8].

Проиллюстрируем данное утверждение синергетическим анализом следующих строк Б. Пастернака: *Как крылья, отрастали беды / И отделяли от земли...* Все данное выражение является зоной бифуркации, поскольку в нем организуются многочисленные смыслы, не вытекающие из словарных значений лексем. Основная диссипативная структура представлена словосочетанием *отрастали беды*, функционирующем во фрактале «беда, несчастье». Словарное значение глагола *отрастать* разворачивает аттрактор во фракталь «живая природа», которая накладывается на лексическое значение существительного *беды*, в результате чего появляется смысл усиления трагизма ситуации: это уже не простое увеличение количества бед, а изменение, условно говоря, их «качества» – они растут, как живые существа; врастают

своими корнями в душу героя. Но неоднозначный глубинный смысл рождается при пересечении противоположных аттракторов: с одной стороны, *отрастают – врастают с болью* (поскольку это все-таки беды, а не крылья), с другой – *отрастают, как крылья*. Сравнение *как крылья* направляет аттрактор во фрактал «духовные силы человека», в которой проявляется словарное (и прямое и переносное) значение глагола *отрастать*. Все возникающие смыслы проявляются одновременно при сложном наложении разных фракталей. В итоге эксплицируется глубинный смысл, который хочет выразить поэт: беды не только мучают, они способны стать крыльями за спиной, с их помощью человек может отделиться от земли, т. е. не «завязнуть» в быте, оторваться от мелочей, повседневной суеты, философски посмотреть на свою жизнь «с высоты птичьего полета». Можно предположить здесь еще один, более глубокий смысловой «пласт»: может быть, беда человеку необходима? Восприятие невзгод у каждого личное, и лишь у очень немногих оно превращается в «крылатость». Такой взгляд поэта на мир и у читателя, как думается, изменяет обыденное сознание, в чем и состоит главная задача поэтического текста.

Таким образом, синергетический подход позволяет изменить ракурс наблюдения над усложнившимся языком поэзии, при котором возможно обнаружить ранее не выявленные сущностные признаки исследуемого объекта и в целом расширить наше представление о поэтическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – изд. 2-е. – Т. 21. – М., 1961.
2. Трубецкой, Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С. 65 – 77.
3. Пиотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р.Г. Пиотровский. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – 160 с.
4. Зубова, Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 432 с.
5. Гаспаров, М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) / М.Л. Гаспаров // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения / редкол.: М.Б. Храпченко [и др.]. – М., 1986. – С. 188 – 209.
6. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
8. Маслова, В.А. Филологический анализ художественного текста // В.А. Маслова. – Минск: Універсітэцкае, 2000. – 174 с.
9. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
10. Мамардашвили, М. Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
11. Хоанг, Фэ. Семантика высказывания / Фэ Хоанг // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М., 1985. – С. 399 – 405.
12. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики: [вступ. ст.] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М., 1985. – С. 3 – 42.

Ю.А. Никитина (Минск, БГУ)

СИМБИОЗ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И СОЦИОНИКИ

В данной статье мы рассмотрим способ, с помощью которого можно научиться определять соционический тип окружающих нас людей. Его суть заключается в проведении соционического анализа художественных произведений с целью выработки практического навыка по определению социотипов личности.

Прежде всего, рассмотрим историю происхождения самого понятия «соционика».

Её истоки следует искать в теориях швейцарского психоаналитика Карла Густава Юнга. В своей лечебной практике он постоянно встречался с разительным фактом, что человек почти неспособен понять какую-нибудь иную точку зрения, кроме своей собственной, и признать за ней право на существование. В результате многолетней работы с пациентами, он пришёл к выводу, что основой для улаживания спора между различными пониманиями может послужить признание различных типов установки, однако, признание не только их наличия, но и того факта, что каждый человек до такой степени находится в